

Глава 14: Прощание

Его отец, помимо того, что был мастером зелий, был искусным дуэлянтом. В годы учёбы в Хогвартсе его дразнили из-за странного имени, поэтому он постоянно ввязывался в дуэли, достигнув огромного мастерства.

Так что то, что отец стал его личным наставником, было очень хорошей новостью, так как Джеймс хотел овладеть боевой магией, ведь в будущем ему предстояло столкнуться с Волан-де-Мортом, и он хотел сосредоточиться на защитной и атакующей магии.

— Давай начнём с основ, с чар левитации, — сказал Флимонт.

Настало время Джеймсу применить на практике все теории, которые он изучал в течение этих двух лет.

Лёгким и изящным взмахом палочки Флимонт наколдовал стол и 10 перьев.

— Напомни мне, в чём суть чар левитации? — спросил он, проверяя Джеймса.

Джеймс подошёл к столу и ответил:

— Они позволяют волшебнику заставить предметы летать в течение определённого времени, просто взмахнув палочкой. Вы также можете перемещать предметы, но это не работает на людях.

— Верно, левитируемый предмет зависит от мастерства заклинателя и веса объекта. Чем тяжелее предмет, тем больше мастерства требуется. Несмотря на то, что это базовые чары, изучаемые на первом курсе Хогвартса, они очень полезны в дуэлях. Я много раз использовал их. Вы можете поднять препятствия и направить их к противнику, — объяснил Флимонт.

— Ты уже знаешь теорию и видел движение палочкой, когда мы с мамой показывали тебе. Теперь твоя очередь, заставь перо левитировать, — добавил Флимонт.

— Вингардиум Левиоса, — сосредоточенно произнёс Джеймс, слегка взмахнув новой палочкой. Движение палочки он давно запомнил, так что это было несложно сделать.

Перо зачаровалось и начало подниматься всё выше и выше, пока Джеймс контролировал его палочкой. Достигнув почти потолка тренировочного зала, который был очень высоким, Джеймс начал контролировать его так, что перо начало медленно опускаться, пока не опустилось на своё первоначальное место.

— Идеальный контроль, — сказал Генри, хлопая в ладоши с улыбкой. Его внук был гением, это были чары, которые изучают ученики первого курса Хогвартса, а Джеймс овладел ими в 8 лет и с первой попытки.

Юфимия тоже зааплодировала с гордой улыбкой на лице.

— Молодец, а теперь сделай это с двумя перьями одновременно, — сказал Флимонт.

Время шло, и Джеймс в тот же день смог использовать «Вингардиум Левиоса» и левитировать все 10 перьев одновременно.

— Завтра мы продолжим с этими чарами на более тяжёлых предметах. Теперь перейдём к

следующим чарам, — сказал Флимонт, который знал, что его сын не хочет практиковать одни и те же чары целый день.

В следующие несколько дней Джеймс много времени провёл в тренировочном зале, используя свою новую палочку и практикуясь с отцом. Все книги, которые он прочитал, и теорию, которую он выучил, он начал применять на практике.

С родителями они решили, что как только он выучит все заклинания и овладеет практикой, он перейдёт к следующей, более продвинутой книге по чарам.

Кроме того, теперь, когда у него была палочка, он начал практическую часть целительства с матерью. А отец также позволял ему самостоятельно создавать зелья для начинающих, пока он наблюдал за ним.

Одними из чар, которые больше всего очаровали Джеймса, были «Инсендио» — заклинание, которое создаёт поток пламени, который можно использовать, чтобы поджигать вещи. Хотя это звучит опасно, оно было включено в книгу 1-го курса Миранды Гошок.

Количество создаваемого огня зависит от мастерства и владения магией. В случае Джеймса он мог лишь едва поджечь камин, несколько свечей и т.д. Он ещё не был очень силен, но чем больше он практиковался, тем больше огня он мог создать.

Ещё одним преимуществом тренировочного зала была невосприимчивость к огню, поэтому нет опасности пожара во всём зале.

Итак, время летело для Джеймса — практикуясь в тренировочном зале, затем читая более продвинутые книги, проводя время с Эмили и Гвен на площади и проводя время с семьёй.

Когда ему было 9 лет, Гвен и Эмили сказали ему, что они переезжают из Годриковой Впадины. Эта новость, к его удивлению, опечалила Джеймса. Он не ожидал, что это его так опечалит, но он уже считал Гвен и Эмили своими первыми двумя друзьями из-за всего времени, которое они провели вместе.

Они переедут в Уилтшир, графство на юго-западе Англии. Там находится поместье семьи Малфоев и семьи Ноттов, двух чистокровных семей, принадлежащих к священным двадцати восьми. В семье Ноттов находится лучший друг Гвен, и её родители, видимо, очень хорошо ладили с мистером и миссис Шафик.

Сегодня был день, когда они уедут. Трое юных детей были на площади, на своей последней встрече. Джеймс, как обычно, лежал на траве, наблюдая за облачным небом.

Эмили, как обычно, читала наклейки от шоколадных лягушек Джеймса. К этому времени она прочитала их все, но продолжала читать, вспоминая информацию, которую забыла или на которую не обратила внимания.

Гвен сидела рядом с Джеймсом и обрывала лепестки цветка, её взгляд был прикован к цветку, и, в отличие от других дней, она не разговаривала.

— Вы уже всё приготовили к переезду? — спросил Джеймс.

— Да... мои родители, должно быть, прощаются с другими чистокровными волшебниками, — ответила Гвен, не отрывая глаз от цветка.

Джеймс подумал, что забавно, что она уточнила, что это были чистокровные волшебники, дав понять, что они не будут прощаться с полукровками или магглорождёнными волшебниками. Хотя в это время Джеймс хотел вытрясти из него это превосходство мышления, он добился мало чего, если вообще чего-либо.

Его родители тоже не входили в группу чистокровных, так как считались предателями крови и не ладили с родителями Эмили и Гвен, у которых были экстремистские взгляды. Поэтому они всё ещё были дома, живя обычной жизнью, не собираясь прощаться с ними.

— Полагаю, мы увидимся в Хогвартсе, — заметил Джеймс.

— Что? Но это ещё так нескоро, два года, — грустно сказала Эмили. В отличие от сестры, Джеймс был её единственным другом. Гвен кивнула, соглашаясь с тем, что говорила её младшая сестра.

До поступления Джеймса и Эмили в Хогвартс оставалось два года. Гвен же поступит в следующем году, так как она была на год старше их обоих.

— Вы должны навестить нас, — сказала Гвен тоном, похожим на приказ.

— Я не могу. Это слишком далеко, — сказал Джеймс.

— Ты просто ленивый, как обычно, — фыркнула раздражённая Гвен.

— Тогда почему вы, ребята, не приедете навестить нас? — спросил Джеймс.

— Им не разрешат, потому что они не ладили с моими родителями, — добавил он, отвечая на свой же вопрос.

Услышав это, Гвен нахмурилась, но ничего не сказала, так как он был прав. Джеймс не стал бы заставлять своих родителей везти его в новое поместье Шафигов, чтобы холодно обращаться с его родителями.

Хотя он посещал поместье Шафигов примерно в это время (на день рождения Гвен), он всегда ходил один, так как оно было так близко. И мистер и миссис Шафик не стали бы оскорблять или унижать друга-ребёнка своей дочери, но если бы его родители, то могло быть по-другому.

Кроме того, что родители Гвен и Эмили позволили бы Джеймсу прийти к ним домой, почему бы не спасти Гвен, и было бы очень грубо с их стороны запретить ему.

В какой-то момент на ветку дерева, осенявшего Леви, уселась очень опрятная сова.

— Это мамина сова... нам нужно идти, — сказала Гвен, посмотрев на Эмили.

Трое детей поднялись с травы и посмотрели друг на друга. Джеймс не знал, что делать в этой ситуации. Он заметил грустные лица Эмили и Гвен, скорее всего, он и сам сделал похожее выражение.

Быть любящим и заботливым к своей семье (особенно к родителям и бабушке) было намного проще, чем к друзьям.

«Что мне делать...?» — немного нервно подумал Джеймс. Он очень редко нервничал. Как Эдвард Ротшильд мог вести себя дружелюбно перед незнакомцами и завоёвывать их доверие, но у него никогда не было прощания с людьми, о которых он действительно заботился, поэтому

он не знал, что делать.

— Ну... будем посылать друг другу письма через сов, — сказал Джеймс, почёсывая непослушные чёрные волосы.

— Да... Но у тебя нет совы, — сказала Гвен.

— Я куплю одну, а пока буду использовать родительских, — быстро сказал Джеймс.

— Вот, — тихо сказала Эмили, подходя к Джеймсу и протягивая ему несколько карточек.

— Можешь оставить их себе, как прощальный подарок, — сказал Джеймс, закрывая руку Эмили, чтобы она оставила карточки себе.

— Спасибо... — сказала Эмили и неожиданно крепко обняла Джеймса.

И Джеймс, и Гвен были удивлены внезапным действием Эмили, которая всегда была спокойной и не показывала так много эмоций.

— Я буду скучать по тебе! Я буду писать тебе через сову Гвен! — сказала Эмили, обнимая Джеймса и со слезами на глазах.

— Я тоже... будем писать друг другу письма, — нервно сказал Джеймс, тоже обнимая Эмили.

— Пока, — сказала Эмили, отпустив Джеймса и вернувшись к своему обычному состоянию.

Затем Гвен и Джеймс стояли и смотрели друг на друга. «Должен ли я тоже обнять её? Это то, что делают друзья...?» — подумал Джеймс, обдумывая, как поступить.

— Не забудь отвечать на письма, — сказала Гвен через несколько секунд, которые показались Джеймсу вечностью. Она повернулась и зашагала рядом с Эмили.

Джеймс кивнул, хотя Гвен уже не смотрела на него. Он стоял и смотрел, как спины его первых двух друзей уходили всё дальше и дальше. «Неприятное чувство...», — подумал Джеймс, поворачиваясь и направляясь домой.

Впервые он почувствовал сильные эмоции, вызванные людьми, не являющимися его семьёй.